

«ЦИФРОВАЯ ИСТОРИЯ»
ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

ГЛАВНЫЕ МИФЫ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Цифровая история. Военная библиотека

Алексей Исаев

Главные мифы о Второй Мировой

«Яуза»

2019

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

Исаев А. В.

Главные мифы о Второй Мировой / А. В. Исаев — «Яуза»,
2019 — (Цифровая история. Военная библиотека)

ISBN 978-5-00155-028-0

Усилиями кинематографистов и публицистов создано множество штампов и стереотипов о Второй мировой войне, не выдерживающих при ближайшем рассмотрении никакой критики. Ведущий российский военный историк Алексей Исаев разбирает наиболее нелепые мифы о самой большой войне в истории человечества: пресловутые «шмайсеры» и вездесущие пикирующие бомбардировщики, «неуязвимые» «тридцатьчетверки» и «тигры», «непреодолимая» линия Маннергейма, заоблачные счета асов Люфтваффе, реактивное «чудо-оружие», атаки в конном строю на танки и многое другое – эта книга не оставляет камня на камне от самых навязчивых штампов, искажающих память о Второй мировой, и восстанавливает подлинную историю решающей войны XX века. Книга основана на бестселлере Алексея Исаева «10 мифов о Второй мировой», выдержавшем 7 переизданий. Автор частично исправил и существенно дополнил первоначальный текст.

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-00155-028-0

© Исаев А. В., 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Исаев

Главные мифы о Второй мировой

Введение

Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно.

К. Клаузевиц

«Пьяные немецкие автоматчики шли в «психическую атаку» за «тиграми», «на него ехали десять танков, и он одного за другим подбивал их из выхватываемых один за другим из ящика «фаустов», «кавалеристы пошли в самоубийственную атаку на танки», «вместо обороны им приказали наступать»... Фразы, подобные этим, встречаются в мемуарной, исторической и публицистической литературе, посвященной Второй мировой войне, сплошь и рядом. Большая часть из них уже стала своего рода штампами, обязательными компонентами повествования. Если немецкий танк, то – «тигр» или «пантера», если самоходная артиллерийская установка – «фердинанд». Если нужно изобразить солдата вермахта, то обязательными компонентами становятся закатанные рукава серой униформы, короткие сапоги и пистолет-пулемет «МП-40» с крюком под стволом и коробчатым магазином. Советский солдат чаще изображается вооруженным трехлинейной винтовкой с игольчатым штыком. Ему постоянно чего-то не хватает, единственное средство борьбы с танками у него – длинноствольное тяжелое противотанковое ружье, которое попутно используется для стрельбы по самолетам. Советский солдат передвигается преимущественно на своих двоих, а лошадь в вермахте представляется просто какой-то дикостью – немецкие солдаты на страницах книг и в кинолентах до наших дней включительно перемещаются исключительно на грузовиках или гробообразных БТРах «Ганомар». В крайнем случае авторы или режиссеры сажают людей в серой униформе с закатанными рукавами и «МП-40» в руках на мотоциклы.

Не везет, как правило, и командному составу нашей армии. Над командирами Красной Армии начальство постоянно измывается, вынуждая вместо сидения в теплом окопе наступать, бросаясь сотнями на строчащий пулемет в стиле «людской волны». У немецкого командования есть некий волшебный рецепт блицкрига, позволяющий со своей на 100 % моторизованной армией, обходя все встречающиеся на дороге узлы сопротивления на грузовиках, с губными гармошками, почти не вступая в бой, продвигаться на сотни километров и захватывать огромные массы пленных. На короткое время их наступление останавливается выскакивающими из засады неуязвимыми «Т-34» и «КВ», а уж окончательно блицкриг останавливается как вкопанный, после того как его встречают в долгожданной обороне, на которую талантливый командир из ранее репрессированных пошел вопреки приказам руководства. Последний гвоздь в крышку гроба блицкрига забивают несколько бойцов с помощью противотанковых ружей, расстреливая немецкие танки в лоб один за другим. Пиротехнические эффекты от попаданий

пуль ПТР в танки, как правило, просто незабываемые. Картина несколько утрированная, но в целом вполне узнаваемая.

Досталось в этом ряду и одному из наиболее известных широкой публике локальных конфликтов, хронологически укладывающемуся в рамки Второй мировой войны, – советско-финской войне декабря 1939 г. – марта 1940 г. Ужасные морозы, уходящие несколькими этажами в скальную породу ДОТы, финские лыжники-автоматчики и «кукушки» на деревьях – все это создало картину ледяного ада, в который попала Красная Армия.

Разумеется, яркие, образные картины не являются исключительным изобретением отечественной исторической и публицистической мысли. На Западе также присутствуют свои кумиры и фобии, только носят они другие имена. Один из наиболее известных примеров – это история создания и боевого применения реактивного истребителя «Me.262», на пути к триумфу которого якобы оказался сам Адольф Гитлер, в силу странного чудачества потребовавший переделать истребитель с незаурядными характеристиками в «блицбомбер». Столь же хорошо знаком отечественному читателю миф о том, что вермахт обошел «линию Мажино».

Однако если приглядеться к явлениям, породившим вышеописанную череду образов Второй мировой войны в массовом сознании, то выясняется поразительное несоответствие реальности хорошо известным стереотипам. Массовый солдат вермахта оказывается пешим путешественником, вооруженным винтовкой. Данная работа представляет собой попытку разобраться в мифологии Второй мировой войны и по возможности расставить факты и события по своим местам.

Глава 1

«Панцер» и «штука» равно блицкриг

Яркими образами успехов немцев в 1939–1941 гг. стали танки и пикирующие бомбардировщики «Ю-87», известные как «штука» (сокращение от «штурцкампфлюгцойг» – пикирующий бомбардировщик) и прозванные советскими солдатами «лаптежник» и «певун». Ввод «Ю-87» в пикирование переворотом и колонны «панцеров» в кадрах кинохроники говорили потомкам: вот главные средства молниеносной войны.

Однако у людей, даже бегло знакомых с историей техники, все эти картины вызывали сомнения и подозрения. Немецкие танки периода блицкригов были далеки от совершенства. В польской кампании большую часть танкового парка составляли устаревшие танки «Pz.I» и «Pz.II», а также чешские трофейные машины. «Штука» – это архаичный самолет с неубирающимся шасси и на образ чудо-оружия совсем не тянул, несмотря на действительно впечатляющие возможности по бомбометанию с пикирования. Более того, «штуки» в ходе блицкригов действовали не на всех участках фронта. Например, на Украине в июне 1941 г. ни одной эскадры, вооруженной пикирующими бомбардировщиками «Ю-87», попросту не было. Тем не менее, ГА «Юг» достаточно быстро продвигалась вперед. С другой стороны, завершение периода блицкригов пришлось на момент, когда Германия получила танки и самоходки с достаточно высокими техническими характеристиками. Так в чем же секрет?

«Неправильные» для блицкрига танки – брошенные французские «Н-39».

Термин «блицкриг» следует трактовать в данном случае в максимально общем виде, как достижение целей войны в результате одной крупной операции или кампании как цепочки операций. С этой точки зрения немецкий план войны 1914 г. – это тоже блицкриг, пусть и неудавшийся, попытка в скоротечной кампании разгромить Францию. Тогда война перешла в затяжную фазу вследствие недостаточно быстрого продвижения вперед охватывающего крыла германской армии. Французы в августе 1914 г. сумели перевозками со своего правого фланга собрать против охватывающей «клешни» достаточно сил, чтобы остановить ее и перевести войну в позиционную на долгие несколько лет.

«Правильные» для блицкрига танки – подбитый «Pz.II».

Польша. Несмотря на усиленную пропагандистскую работу ведомства Геббельса, победа над Польшей в сентябре 1939 г. была одержана по причинам, далеким от тактических особенностей использования танков и пикирующих бомбардировщиков. Вполне прозрачно и четко ситуацию проанализировал советский военный специалист Г. С. Иссерсон. Он писал в 1940 г. следующее: «Ошибки польского командования могут быть сведены к трем основным.

1. На польской стороне считали, что главные силы Германии будут связаны на западе выступлением Франции и Англии и не смогут сосредоточиться на востоке. Исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут брошены на запад против англо-французского вторжения. Так велика была вера в силу и быстроту наступления союзников. Таким образом, план стратегического развертывания Германии в случае войны на два фронта представлялся совершенно превратно. Так же оценивались и возможности Германии в воздухе. Наконец, твердо рассчитывали на непосредственную эффективную помощь Англии воздушными и морскими силами. Бесследно прошли исторические уроки прошлого, уже не раз показавшие подлинную цену обещанной помощи Англии, которая всегда умела воевать только чужими солдатами.

Из всех этих ложных расчетов делают еще более ложные выводы. Считают возможным обойтись чуть ли не одной армией мирного времени. С мобилизацией второочередных дивизий поэтому не спешат. Но об этом широко оповещают, объявляя о мобилизации двухмиллионной армии. Такой дезинформацией думали напугать противника. Однако эффект получился совершенно обратный, так как германское командование сосредоточило в ответ еще большие силы против Польши.

2. На польской стороне считали, что в отношении активных действий со стороны Германии речь может идти только о Данциге, и даже не о всем Данцигском коридоре, и Познани, отторгнутых от Германии по Версальскому договору. Таким образом, совершенно не уяснили себе действительных целей и намерений противника, сводя весь вопрос уже давно назревшего конфликта к одному Данцигу.

Поэтому о Силезском направлении, откуда на самом деле последовал главный удар германской армии, весьма мало заботились.

3. На польской стороне считали, что Германия не сможет сразу выступить всеми предназначенными против Польши силами, так как это потребует их отмобилизования и сосредоточения. Предстоит, таким образом, еще такой начальный период, который даст возможность полякам захватить за это время Данциг и даже Восточную Пруссию.

Таким образом, мобилизационная готовность Германии и ее вступление в войну сразу всеми предназначенными для этого силами остаются невдомек польскому генштабу» [1– С.31–32].

Польская армия была элементарно упреждена в развертывании. Немцы медленно накапливали силы на границах Польши и скрытно провели мобилизацию, то есть довели свои дивизии до численности военного времени. В первом блицкриге это получилось невольно – первоначально датой нападения было назначено 27 августа 1939 г., и к этому дню вермахт был почти полностью отмобилизован и готов к бою. Это позволило напасть на не закончившую мобилизацию и развертывание польскую армию (большая часть дивизий проходила мобилизацию внутри страны и перевозилась к границам) и, обладая подавляющим численным превосходством над войсками у границы, перемолоть всю польскую армию по частям.

Пикирующий бомбардировщик «Ю-87» на аэродроме. Этому неказистому самолету суждено было стать одним из символов немецких блицкригов.

Советский Союз. По аналогичной схеме произошел разгром Красной Армии летом 1941 г. Храня гробовое молчание на дипломатическом поприще, немцы сумели на какое-то время усыпить бдительность советского руководства. Это позволило им провести перевозки дивизий к границе с СССР во все нарастающем темпе. И когда это сосредоточение было соответствующим образом оценено, отреагировать советское руководство уже не успевало. Для приведения в боевую готовность и переброски к границе войск внутренних округов времени просто не оставалось. Поэтому РККА встретила войну, как и польская армия, разорванной на три оперативно не связанных эшелона, которые немцы били по частям. В принципе это избытие в случае с Польшей и СССР могло происходить и без «панцеров» и «штук», более архаичными средствами. «Панцеры» и «штуки» лишь несколько усиливали эффект, достигнутый политическими средствами (молчанием на дипломатическом поприще в случае с СССР).

Даже на репрезентативном фото вооруженный двумя пулеметами «Pz.I» не производит сильного впечатления.

Однако если разгром Польши и успехи в СССР летом 1941 г. можно было объяснить «неправильным» противником вермахта, то это объяснение совершенно не работает в случае Франции мая 1940 г. Французская армия была полностью отмотобилизована и развернута (еще осенью 1939 г.). «Французы не хотели воевать» также представлялось не слишком убедительным аргументом: тяготы «странной войны» не шли ни в какое сравнение с 1914–1918 гг.

Чингисхан нового времени. Может быть, изюминкой вермахта была высокая подвижность? Если мы попробуем присмотреться к нему, то увидим, что образ высокоманевренной, механизированной армии из тщательно подобранных фрагментов «Дойче Вохеншау» несколько не соответствует действительности. Полностью моторизованные дивизии составляли лишь небольшую часть германской армии. Более 80 % состава вермахта – это пехотные дивизии, передвигавшиеся преимущественно на лошадях. Артиллерийский полк пехотной дивизии вермахта – это 2696 человек личного состава и ни много ни мало 2249 лошадей. По штату в пехотной дивизии в 1941 г. было более 6000 (шесть тысяч!) лошадей. Всего в вермахте в 1941 г. было свыше одного миллиона лошадей, 88 % которых находилось в пехотных дивизиях. О таких масштабах использования гужевого транспорта не мечтал даже Чингисхан.

Немецкие танкисты позируют на танке «Pz.II». Танк даже по меркам конца 1930-х годов не поража́л воображение.

Как ни парадоксально это звучит, Красная Армия на тот момент была моторизована в куда большей степени. В стрелковых дивизиях по штату военного времени № 04/400 механическая тяга использовалась следующим образом. В дивизии было два артиллерийских полка, один на механической тяге, а второй на гужевой. В первом (гаубичном) артиллерийском полку полагалось иметь 48 тракторов «СТЗ-НАТИ» для 122-мм гаубиц и 25 тракторов С-65 «Сталинец» для 152-мм гаубиц. Наконец, в зенитном дивизионе по штату числилось 5 тракторов «СТЗ-НАТИ» для четырех 76-мм зенитных орудий. Один трактор был запасным. Остальные орудия и минометы дивизии транспортировались лошадьми. У немцев, как нетрудно заметить, лошадьми перемещались ВСЕ орудия артиллерийского полка.

Танк «Pz.I» на довоенных учениях вермахта. Иногда утверждается, что «Pz.I» и «Pz.II» были учебными танками из неброневой стали, но это не так – они собирались из полноценных бронелистов высокого качества.

Однако, разумеется, темп марша пехотной и стрелковой дивизий определялся возможностями и выучкой ее пехоты. Перевод артиллерии Красной Армии на механическую тягу был призван лишь сэкономить личный состав – водителей тракторов требовалось меньше, чем коноводов на то же количество орудий. Так или иначе, основная масса войск воюющих сторон состояла из передвигавшейся на своих двоих пехоты. Глубоко ошибочно мнение, что вермахт перемещался только на мотоциклах, автотранспорте или на бронетранспортерах. Такое мнение могло сложиться усилиями советского, и не только советского, кинематографа.

Рация на танке. Одной из попыток объяснить эффективность панцерваффе является, например, пропаганда мифа о радиофикации боевых машин. Якобы немецкие танки были поголовно радиофицированы и поэтому могли эффективнее вести танковый бой. Реально радиостанции в том понимании, которое вкладывают в этот термин сторонники данной версии, то есть приемопередатчики, были у командиров подразделений от взвода и выше. По штату февраля 1941 г. в легкой танковой роте танкового батальона немецкой танковой дивизии приемопередатчики «Fu.5» устанавливались на трех «Pz.II» и пяти «Pz.III», а на двух «Pz.II» и двенадцати «Pz.III» ставились только приемники «Fu.2». В роте средних танков приемопередатчики имели пять «Pz.IV» и три «Pz.II», а два «Pz.II» и девять «Pz.IV» – только приемники [З–Р.274]. На «Pz.I» приемопередатчики «Fu.5» вообще не ставились, за исключением специальных командирских «kIPz.Bef.Wg.I».

Танк «Pz.I» где-то на пыльных дорогах блицкрига.

Радиофикация танковых войск РККА в 1941 г. была не такой уж плохой. Например, в 19-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса, столкнувшейся с немецкими танками 24 июня 1941 г. под Войнищей, было 47 танков «Т-26» однобашенных радиийных, 75 «Т-26» однобашенных линейных, 6 танков «БТ-7» линейных, 6 «БТ-7» радиийных, 14 танков «БТ-5» линейных, 3 «БТ-5» радиийных, 5 «БТ-2» пулеметных (без радиостанций)¹. Если мы возьмем брутто-цифры по всем западным округам, то на 22 июня в них числилось 1993 танка «Т-26» однобашенных линейных, 1528 «Т-26» однобашенных радиийных, 1499 танков «БТ-7» линейных, 1212 «БТ-7» радиийных [4– С.133]. Да, у немцев было больше радиостанций, но доля танков с приемопередатчиками была выше в механизированных корпусах РККА. У французских танков также имелись рации и даже выделенные радисты. Разницы с противниками в радиофикации, переходящей из количества в качество, не наблюдается.

Линейка танков «блицкригов»: «Pz.IV», «Pz.III», в глубине снимка просматриваются «Pz.38 (t)» и «Pz.II». «Троек» и «четверок» в 1939–1940 гг. было просто мало, хотя и они не поражали характеристиками.

Радиосвязь 1940-х годов была еще несовершенна, и эффективность ее использования оставляла желать лучшего. Часто атмосферные помехи делали работу радиосвязи между частями и соединениями просто невозможной. Так в журнале боевых действий 3-й танковой

¹ ЦАМО РФ. Ф.3018. Оп.1. Д.11. Л. 189. Данные на 10 июня 1941 г.

группы Гота можно обнаружить, например, такую запись за 4 июля 1941 г.: «Состояние атмосферы делает практически невозможной связь в дивизиях. Штаб танковой группы получает мало донесений и основывается главным образом на данных авиаразведки VIII авиакорпуса». Аналогичные жалобы на перебои в работе радиосвязи достаточно часто встречаются в оперативных документах соединений и объединений немецких танковых войск. Все это не мешало эффективному наступлению, т. е. радиосвязь не являлась ключевым элементом блицкрига. Даже без нее колесики германской военной машины продолжали вращаться.

Пикирующий бомбардировщик «Ю-87» на показе Эрнсту Удету. Перед самолетом лежат 250-кг бомбы.

Обойденная «линия Мажино». Осознание ограниченных возможностей «панцеров» и «штук» заставляло придумывать рациональные объяснения крупным успехам Германии 1939–1941 гг. Если преодоление обычной полевой обороны силами «панцеров» и «штук» еще было понятно на бытовом уровне, то преодоление линий бетонных ДОТов на «Pz.I» и «Pz.II» представлялось невероятным. Соответственно разгром союзников в кампании 1940 г. часто представляется за счет обхода линии укреплений на франко-германской границе. Они были известны под названием «линия Мажино» и закрывали южный участок границы Германии и Франции. Считается, что линия была построена с роковой ошибкой – не был прикрыт северный участок границы, через который, собственно, и прорвались немцы. Никакой роковой ошибки, разумеется, не было. Задачей «линии Мажино» было... направить немецкое наступление во Францию по маршруту плана Шлиффена 1914 г., то есть через страны Бенилюкса. «Линию Мажино» можно назвать построенной под девизом высказывания Клаузевица: «Располагаясь за сильными укреплениями, мы заставляем противника искать решение в другом месте». Необходимость прорывать сильные укрепления должна была, по идее строителей линии, заставить немцев выбрать обходной маршрут. Это позволило бы союзникам довольно точно просчитать действия противника и навязать ему сражение в Бельгии.

Однако в действительности в мае 1940 г. немцы прорывали линию Мажино под Мобежем, Седаном, было взято укрепление Ла-Фер. Наибольшую известность получил прорыв через «продолжение» «линии Мажино» в Арденнах. 13–14 мая 1940 г. это было сделано XIX танковым корпусом Гудериана, форсировавшим Маас у Седана. Конечно, укрепления «продолжения» были слабее, но это были полноценные бетонные ДОТы. Бомбардировка укреплений «штуками» имела в лучшем случае моральный эффект, потери французской пехоты от нее были незначительными. Немцам удалось форсировать реку и взять штурмом ДОТы силами

специально подготовленных саперных частей и пехоты. Только благодаря этому удалось закрепиться, навести понтонный мост и пропустить по нему пресловутые «панцеры».

Причем если корпус Гудериана активно поддерживался авиацией, то следовавшая параллельным маршрутом пехота получала куда меньше самолетов-вылетов люфтваффе. 17 мая 1940 г. два 210-мм орудия открыли огонь по небольшому укреплению Ла-Фер. 18 мая два каземата с 75-мм пушками были оставлены своими гарнизонами. Немецкие штурмовые группы начали пробивать себе дорогу в глубь укреплений. Здесь любопытно отметить два фактора, повлиявшие на успех немцев. Во-первых, немецкие саперы и пехотинцы активно использовали воронки от снарядов и бомб, чтобы подобраться к бетонным казематам. Во-вторых, французские укрепления «продолжения» «линии Мажино» не располагали 50-мм минометами для осыпания минами окружающего пространства, в том числе воронок. Соседнее укрепление Ле Шен попыталось поддержать защитников Ла-Фер огнем 75-мм орудий, но казематы находились слишком далеко, чтобы огонь был сколь-нибудь эффективным. Немецкие штурмовые группы взбирались на укрепления и уничтожали их зарядами взрывчатки. К концу дня 19 мая все укрепление Ла-Фер было захвачено, и немцам была открыта дорога в глубь Франции. Между 20 и 23 мая были один за одним уничтожены четыре укрепления Мобежа.

Один из «отцов» германских танковых войск – Гейнц Гудериан.

Последний удар по «линии Мажино» был нанесен в июне 1940 г. в ходе операций «Тигр» и «Медведь». Против укреплений применялись 420-мм артиллерия, удары пикирующих бомбардировщиков, штурмовые группы. В целом можно сказать, что «линия Мажино» была хотя и с трудом, но прорвана немцами в нескольких местах. Не менее драматичные события разворачивались в Бельгии. Многим хорошо известен захват форта Эбен-Эмаэль парашютистами. Действительно, 10 мая 1940 г. парашютисты на 40 планерах приземлились на крышу форта Эбен-Эмаэль и заставили гарнизон капитулировать подрывом кумулятивных зарядов на куполах и башенках форта. Однако эта акция отвлекла внимание общественности от куда более важных событий. С 10 до 15 мая 1940 г. шло сражение между штурмовыми группами пехотинцев и гарнизоном форта Обин-Нефшато. С помощью 305-мм и 355-мм орудий был разрушен форт Баттис, капитулировавший 22 мая. Опыт Вердена не прошел даром. Форты во Вторую мировую войну уже не были непреодолимым препятствием для армии, получившей опыт позиционной борьбы на Западном фронте в 1914–1918 гг.

Однако для нашего исследования важен факт, что в прорыве через «продолжение» «линии Мажино» ключевую роль сыграли штурмовые группы саперов и пехоты, а не танки и пикировщики.

«Линия Сталина» Не стали препятствием для блицкрига и укрепления «линии Сталина». Надо сказать, что о «линии Сталина» чаще всего несли еще большую ахинею, чем о «линии Мажино». Так, в статье полковника К. Черемухина в «Военно-историческом журнале» утверждалось, что укрепрайоны на старой границе не только оказались разоружены с переносом границы на запад, но и «большая часть сооружений была засыпана землей»². В дальнейшем версия об уничтожении укреплений получила свое развитие. В интерпретации диссидента П. Г. Григоренко звучала так: «Им [укрепрайонам. – А.И.] уготована была иная судьба. Их взорвали, не дав сделать ни одного выстрела по врагу». Вероятно, Григоренко краем уха слышал о взрыве укреплений «линии Маннергейма» и спроецировал это событие на «линию Сталина».

Разумеется, были и более взвешенные мнения. Ведущий советский историк начального периода войны В. А. Анфилов писал, что противнику удалось прорвать оборону Новоград-Волынского УРа «на узком участке фронта, при поддержке бомбардировочной авиации». Никаких подробностей, как правило, не сообщалось, несмотря на большое значение этого прорыва для развития событий на Юго-Западном фронте. В своих мемуарах бывший начальник оперативного отдела штаба фронта И. Х. Баграмян писал:

«Лишь вечером [7 июля. – А.И.] поступило первое донесение [...] о том, что фашистские танковые и моторизованные части прорвались у Нового Мирополя и устремились на юго-восток. Еще позже мы узнали, что они вошли в Бердичев. Когда Пуркаев доложил об этом Кирпоносу, тот с горечью воскликнул:

– Дорого нам обойдется этот прорыв!»

Действительно дорого обошедшийся прорыв (надежды удержаться на линии старой границы рухнули в один момент) обходился молчанием или же авторы исторических и публицистических работ отделялись общими словами, а то и сомнительными утверждениями. Так в написанном на излете существования Советского Союза достаточно откровенном труде «1941 год – уроки и выводы» утверждалось, что противник «вышел к Новоград-Волынскому укрепрайону и, обойдя его с севера и юга, начал наступление на Киев»³.

В 1990-е с открытием в России архивов окутывавший многие события туман войны стал рассеиваться. Не всегда открытия были комплиментарными и приятными. Было опубликовано донесение НКВД в ГКО от 17 августа 1941 г., в котором звучали обидные слова: «3 июля командующий Юго-Западным фронтом приказал 199-й стрелковой дивизии к утру 5 июля занять и прочно удерживать южный фас Новоград-Волынского укрепрайона. [...] После занятия района обороны командование дивизии не произвело разведку сил противника, не приняло мер к взрыву моста через р. Случь на данном участке обороны, что дало возможность противнику перебросить танки и мотомехпехоту...» Далее в документе обвинялось командование 199-й дивизии.

² Черемухин К. Об одной фальшивой версии // Военно-исторический журнал, 1961, № 9. С.120.

³ 1941 год – уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. С.124.

Верховный главнокомандующий польской армией маршал Эдвард Рыдз-Смиглы.

Казалось бы, ответ найден. Правда, его сияющая четкость несколько затенялась тем фактом, что командир 199-й дивизии не был арестован и даже расстрелян. Т. е. обвинения не получили практического продолжения. Однако добросовестность историка заставила обратиться за дополнительными подтверждениями к немецким документам. Так в ЖБД 11-й танковой дивизии прорыв через укрепрайон описан следующим образом:

«Боевая группа Ангерна в 2 часа ночи [5 июля. – А.И.] выходит авангардом к Новому Мирополю и ночью перегруппировывается для атаки на город. В дальнейшем она втянута в упорные бои в западной части города. Хотя предотвратить взрыв мостов русскими не удастся, противник вынужден бросить значительную часть своих частей и обозов на западном берегу. Несмотря на упорное сопротивление, эти части опрокинуты и уничтожены танками. В 8 часов утра удастся небольшими силами захватить железнодорожный мост южнее Нового Мирополя. Продолжать наступление здесь пока невозможно, поскольку противник занял здесь очень умело расположенные и хорошо замаскированные в лесах ДОТы»⁴.

⁴ NARA T315 R2320 frame 34.

Польские танкетки «ТК-3» на довоенном параде в Кракове. В 1939 г. они имели уже достаточно условную боевую ценность.

Во-первых, не вполне подтверждаются обвинения НКВД о невзорванном мосту. Мост на основной магистрали был все же взорван. Во-вторых, как выясняется, немецкие части вышли к Новому Мирополю еще до назначенного командованием времени занятия обороны 199-й стрелковой дивизии, в ночь с 4 на 5 июля 1941 г. Соответственно планомерный выход и закрепление на позициях в УРе оказались сорваны. Подходящие к Новому Мирополю с востока части 199-й стрелковой дивизии подверглись утром 5 июля жестокой бомбардировке с воздуха. Одновременно следует признать, что «паническое бегство» частей 199-й стрелковой дивизии не просматривается – группе Ангерна было оказано серьезное сопротивление. Укрепрайон под Новым Мирополем был именно прорван, а не обойден или пронизан внезапным ударом.

Куда более тяжелым для немцев был прорыв правого фланга Новоград-Волынского укрепрайона, где советская пехота успела занять оборону. Командир корпуса Э. фон Маккензен описал прорыв кратко, но емко: «Гульск был захвачен в ходе тяжелого боя за укрепления. Одновременно была форсирована река, захвачен плацдарм и уже 8 июля была достигнута «панцерштрассе» восточнее укреплений»⁵.

Следует отметить, что в свете приведенных данных оказываются совершенно не обоснованы утверждения о прорыве немцев через незанятые укрепления. В истории 13-й танковой дивизии прямо указывается, что «предположение дивизии, что бункеры были заняты слабыми силами, опровергалось результатами разведки»⁶. В ЖБД 1-й танковой группы отмечалось: «Противник на линии ДОТов оборонялся исключительно упорно. Каждый ДОТ приходилось штурмовать».

В ЖБД 14-й танковой дивизии бои за «линию Сталина» под Новоград-Волынским 7 июля оцениваются как исключительно тяжелые: «В 15.15 стрелковые батальоны начали наступление на широком фронте. Русские подпустили атакующих на минимальную дистанцию, после чего открыли настолько мощный оборонительный огонь, какой мы еще не встречали в этой войне. Тем не менее, батальоны продолжали атаку и в 18.00 с тяжелыми боями вышли авангардами почти к западной и юго-западной окраинам Звяхеля»⁷. При этом подчеркивалось, что поддержка люфтваффе «была осуществлена лишь наполовину, так что ожидаемого облегчения

⁵ Mackensen Eberhard von. Vom Bug zum Kaukasus, Das III. Panzerkorps im Feldzug gegen Sowjetrußland 1941/42. Neckargemünd. Kurt Vowinkel Verlag. 1967. S.12.

⁶ Hake Friedrich von. Der Schicksalsweg der 13. Panzer-Division 1939–1945, Traditionsverband e.V. der ehem. 13. Pz.Div., München 1971. S.58.

⁷ NARA T315 R 656 frame 71.

не наступило». Взаимодействие с ВВС оценивается в ЖБД 14-й танковой дивизии невысоко, что противоречит высказываниям о прорыве Новоград-Волынского УР при эффективной поддержке авиации. Прорыв обошелся недешево: потери 14-й танковой дивизии резко возросли в период прорыва «линии Сталина», с 6 по 11 июля она потеряла сразу 1372 человека⁸.

Брошенный на дороге польский двухбашенный танк «7ТР» ранних серий.

Нельзя сказать, что прорыв через Новоград-Волынский УР является уникальным. Немецкие танковые соединения прорывались через ДОТы под Минском, Островом (на границе с Прибалтикой). Локальной неудачей стала попытка прорыва Полоцкого УРа, однако она не меняет общей картины. При этом «панцер» и «штука» представляются слабым объяснением этих прорывов. Залогом успеха стали штурмовые действия пехоты и использование артиллерии всех типов.

Итак, одно объяснение есть. Прорыв укреплений немцами в немалой степени опирался на опыт Первой мировой войны и строился на тактике штурмовых действий пехоты. Обученная соответствующим образом пехота в механизированных соединениях помогала немцам пробиваться через «линию Мажино», «линию Сталина» и менее известные укрепления.

«Pz.I» на дорогах блицкрига в Польше. В 1939 г. немецкие танки обозначались белым крестом, облегчавшим прицеливание польским наводчикам противотанковых пушек.

⁸ NARA T313 R15 frames 7241704, 7241700.

«Спящие» аэродромы. Одним из важных компонентов блицкрига было завоевание господства в воздухе. Достигалось оно, в частности, ударами по аэродромам. Усилиями публицистов создан «светлый» образ раннего утра 22 июня 1941 г. как побудки идиотов: налетают немцы, и аэродром превращается в море огня. Выскочившим в исподнем летчикам остается только грустно смотреть на свои уничтоженные машины. Однако этот образ совершенно не соответствует действительному положению дел.

Одной из характерных черт воздействия немецкой авиации на советские аэродромы была последовательность, упорство в достижении поставленной задачи. Советские аэродромы методично обрабатывались в течение всего дня 22 июня 1941 г., немецкие летчики сумели организовать безостановочный конвейер ударов. И этот расчет оказался правильным, плана рассредоточения у ВВС РККА попросту не было. Не было и технической возможности сменить вскрытую немецкой разведкой систему базирования советских ВВС. Дело в том, что весной 1941 г. на аэродромах военно-воздушных сил Красной Армии было развернуто строительство бетонных взлетно-посадочных полос. Вследствие этого значительная часть аэродромов по состоянию на 22 июня 1941 г. для производства полетов была непригодна.

Брошенный французский легкий танк «Н-35» («Гочкис-35»).

Удары по аэродромам в первый день войны были для люфтваффе очень сложной, требовавшей огромных усилий и стоившей значительных (в сравнении с последующими днями) потерь акцией. При этом, несмотря на большие потери, советские ВВС (особенно на юго-западном направлении) сохранили боеспособность и в дальнейшем сыграли важную роль в Приграничном сражении. Господство в воздухе ударами по аэродромам достигнуто не было, если его понимать не как жалобы сухопутных войск на воздействие авиации противника, а как воспреещение действий ВВС противника при полной свободе действий собственной авиации. Жалобы на действия ВВС РККА можно легко найти в немецких источниках, причем в максимально жесткой форме.

Например, в ходе боев на Украине в июне 1941 г. 11-я танковая дивизия вышла к городку Острог. Против прорвавшейся танковой дивизии была брошена авиация. В донесении штаба ВВС Юго-Западного фронта говорилось: «В течение всего дня 28 июня 1941 г. ВВС ЮЗФ главным образом действовали по механизированным частям противника, сосредоточенным в

районе Острог, Мизочь, Варковичи. Несмотря на то что в этом районе находились крупные мотомехчасти противника, они были искусно замаскированы, и, для того чтобы их вскрыть, летному составу пришлось летать на бреющем полете. Всего произведено в этот район более 400 самолето-вылетов. Потери: 5 самолетов в воздушном бою. Авиация противника в течение всего дня в указанном районе действовала неинтенсивно. Ввиду того что мехчасти противника были сосредоточены на небольшом участке, они понесли большие потери». 400 самолето-вылетов по довольно ограниченному пространству на линии Острог – Мизочь – Варковичи (всего около 40 км) произвели на личный состав 11-й танковой дивизии неизгладимое впечатление: «Начавшийся среди ночи дождь давал надежду на то, что на сегодняшний день ожидается уменьшение воздушной деятельности русских. Не тут-то было. На рассвете дождь закончился, и сразу же появились советские самолеты, которые непрерывно атаковали части 11-й танковой дивизии, державшей в течение всего дня путь на Острог. [...] Чтобы избежать длительного обстрела с воздуха, танковые экипажи пытались защитить себя таким образом: рыли канавы, по которым потом проезжали их хорошо закамуфлированные танки. [...] Неоспоримо было то, что советский противник, по меньшей мере здесь, имел **абсолютное господство в воздухе** (выделено мной. – А.И.)» [10– S.133].

Нельзя сказать, что такая ситуация была чем-то из ряда вон выходящим. Разумеется, есть примеры тесного взаимодействия и настоящего избиения пытающихся атаковать механизированные колонны советских самолетов. Но и потеря надежного прикрытия при прорыве в глубину была обыденностью. В ЖБД XXXXI корпуса 4-й танковой группы указывалось: «Бои на плацдарме Остров становятся более ожесточенными. Вражеская авиация, которая энергично и успешно вмешивается в наземные бои, в настоящее время однозначно господствует в воздухе»⁹.

Действительно, за утро 5 июля 1941 г. (к которому относится это донесение) отсутствуют даже заявки на сбитые советские самолеты в районе Острова. При этом нельзя сказать, что «Ме-109» базировались где-то далеко в тылу. Все три группы истребительной эскадры JG 54 на тот момент базировались на аэродромах в районе Двинска (Даугавпилса). Скорее всего, причиной отсутствия «воздушного зонтика» были проблемы взаимодействия с наземными войсками либо какие-то технические проблемы. Вырвавшиеся вперед моторизованные части были вынуждены отражать воздушные атаки в основном зенитным огнем.

Ситуация повторилась буквально через считанные дни. В ЖБД XXXXI корпуса в записи от 14 июля 1941 г. вновь указывалось: «Угрожающее положение, в котором находятся слабые силы 6-й тд на плацдарме из-за постоянных бомбежек противника, заставляет командира корпуса позвонить командующему ТГр. Он подчеркивает, что если до конца дня господство противника в воздухе не прекратится, корпус не сможет гарантировать удержание плацдарма»¹⁰. На этот раз «сталинские соколы» бомбили немецкие части, захватившие плацдарм на реке Луге, вклинившись в оборону Лужского рубежа на дальних подступах к Ленинграду.

⁹ NARA T314 R979 frame 341.

¹⁰ NARA T314 R979 frame 389.

Попытки объяснить поражение французов totally сломавшимися танками не выдерживают критики. На этой машине отчетливо видны пробойны

Таким образом, немецкие танковые соединения действовали отнюдь не в тепличных условиях, регулярно оказываясь без пресловутых «штук» и «мессершмиттов» в качестве поддержки с воздуха. Тем не менее немецкие танки, включая достаточно посредственные для своего времени «Pz.I», «Pz.II», «Pz.35» (t) и «Pz.38» (t), дошли до стен европейских столиц. В чем же секрет?

Циклопических размеров танки не принесли удачу Франции. Немецкий солдат осматривает подорванный экипажем тяжелый танк «2С».

Инструмент блицкрига. Сами по себе «панцеры», то есть германские танки, не давали однозначного ответа на вопрос о причинах успехов германских войск. Во Франции в 1940 г. противниками немецких танкистов были средние танки «Сомуа S-35» и тяжелые танки «B1bis», превосходившие наиболее совершенные на тот момент немецкие танки «Pz.III», «Pz.IV» по бронированию и возможностям орудия. В СССР в 1941–1942 гг. танковые войска Красной Армии имели на вооружении значительное количество «Т-34» и «КВ», обладавших над немецкими танками подавляющим превосходством по измеряемым в миллиметрах и километрах величинам. Значительную часть танкового парка вермахта в период самых гром-

ких побед 1939–1941 гг. составляли легкие танки «Pz.I» и «Pz.II». Второй загадкой является отсутствие количественного превосходства, которое могло бы хотя бы теоретически компенсировать недостатки техники. Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 «Pz.I», 1092 «Pz.II», 143 «Pz.35» (t), 238 «Pz.38» (t), 381 «Pz.III», 290 «Pz.IV» и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танка. Французская армия имела 1207 легких танков «R-35», 695 легких танков «H-35» и «H-39», примерно по 200 танкеток «AMC-35» и «AMR-35», 90 легких «FCM-36», 210 средних «D1» и «D2», 243 средних «Сомуа S-35», 314 тяжелых «В1» различных модификаций. Если вывести танки противников одной толпой на огромное поле, то теоретически французские машины расстреляют своих немецких оппонентов без особых затруднений. Однако, как мы знаем, в реальности этого не произошло, хотя эпизоды успешных избиений «панцеров» имели место. Многим известна фамилия французского танкового аса капитана Бийота, расстрелявшего полтора десятка немецких танков на улицах деревеньки Стонне в мае 1940 г.

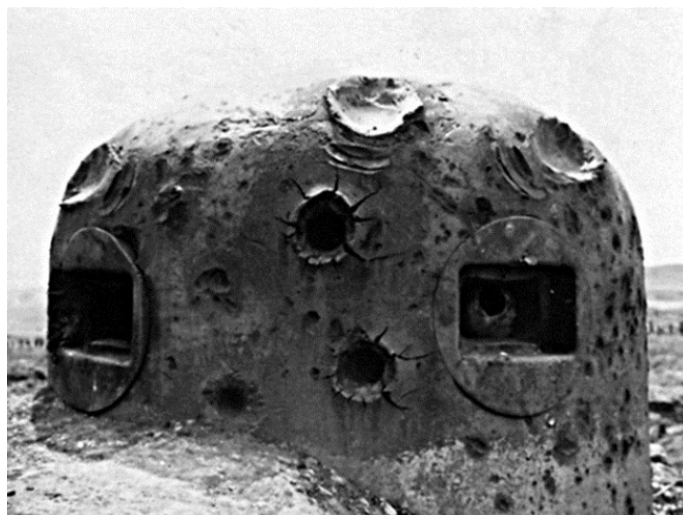
Немецкие пехотинцы у ДОТа «линии Мажино». Германская армия в 1940 г. получила не только опыт операций механизированных соединений, но и опыт штурма долговременных укреплений.

Разница между немецкими и французскими вооруженными силами была не в качестве техники, а в организационных структурах, эту технику объединявших. В середине 30-х в Германии был разработан принципиально новый организационно-штатный механизм для использования танков, который стал своего рода «мечом-кладенцом» вермахта в кампаниях 1939–1942 гг. Первый шаг к этому «мечу-кладенцу» был сделан 12 октября 1934 г., когда в Германии была завершена разработка схемы организации первой танковой дивизии. На этой схеме впервые появились элементы, ставшие характерными чертами дивизий, дошедших до Дюнкерка и Кавказа. Она должна была состоять из двух танковых полков, полка мотопехоты, батальона мотоциклистов, разведывательного батальона, батальона истребителей танков, артиллерийского полка, тыловых и вспомогательных частей. 18 января 1935 г. инспектор моторизованных войск генерал Лютц выпустил приказ на формирование трех танковых дивизий. Этот день можно условно считать датой рождения нового механизма ведения войны. Соединения нового типа должны были быть сформированы к 1 октября 1935 г. Они должны были комплектоваться жалкими «Pz.I» с двумя пулеметами, но на свет появилось сооружение, способное на нечто большее, чем просто взлом обороны противника. Вместо «Pz.I» могли быть хоть автомашины, зашитые фанерой под танки. Произвести танки и наполнить форму соответствующим содержанием было уже делом техники и времени. Главное – новаторская идея использования танковых войск – уже было в наличии.

«Капля долбит камень не силой, но частотой падения...» – толстая броня колпаков «линии Мажино» раскалывалась после множества попаданий.

В чем же была суть новшества? Создание организационной структуры, включающей танки, моторизованную пехоту, артиллерию, инженерные части и части связи, позволяло не только осуществлять прорыв обороны противника, но и развивать его вглубь, отрываясь от основной массы своих войск на десятки километров. Танковое соединение становилось в значительной мере автономным и самодостаточным. Это позволяло ему вести бой с резервами противника, захватывать важные пункты в тылу самостоятельно, не ожидая подхода пехотных дивизий и сопровождающих их полков артиллерии. Взорванный мост на своем пути танковая дивизия могла восстановить с помощью моторизованного понтонного батальона или даже сборного металлического моста. Саперные части дивизии могли снять минные поля, разрушить заграждения. Артиллерия позволяла на равных вести артиллерийскую дуэль с встретившимися на пути резервами противника. Наконец, пехота могла помочь удерживать захваченный в глубине обороны пункт, препятствуя отходу окружаемых корпусов и дивизий или подготавливая плацдарм для дальнейшего наступления. Танковые соединения теперь не просто должны были взломать фронт обороны противника быстрее, чем он подтянет достаточно резервов для «запечатывания» прорыва, они должны были сотрясти всю систему обороны, став средством проведения операции на окружение с решительными целями. Теперь классический «кессельшлахт» (буквально – «котельная битва», операция на окружение) станет визитной карточкой вермахта, повторяясь на разных театрах военных действий по схожей схеме.

Исхлестанный снарядами 88-мм пушек бронеколпак «линии Мажино».

Танки становились стратегическим средством борьбы. Теперь появилась возможность реализации на практике «философского камня» военного искусства, проведение молниеносной войны против сильного противника. Окружив и уничтожив с помощью нового инструмента крупную группировку противника, немцы тем самым вынуждали его латать пробитый фронт, растягивать войска и расходовать резервы, чтобы оказаться жертвами новых «кессель-шлахтов» и в конце концов пасть жертвой стратегии блицкрига.

Батарея 105-мм легких полевых гаубиц «leFH18» на гужевой тяге.

В сентябре 1939 г. история дала Германии уникальный шанс обкатать еще сырой механизм на заведомо слабом противнике – Польше. В 1939 г. организационная структура танковой дивизии вермахта еще окончательно не сложилась. Наиболее распространенной организацией была двухполковая танковая дивизия. Она состояла из танковой бригады (два танковых полка по два батальона каждый, около 300 танков, 3300 человек личного состава), моторизованной пехотной бригады (моторизованный пехотный полк, примерно 2000 человек), мотоциклетного батальона (850 человек). Общая численность личного состава дивизии была примерно 11 800 человек. Артиллерия дивизии состояла из шестнадцати 105-мм легких полевых гаубиц «leFH18», восьми 150-мм тяжелых полевых гаубиц «sFH18», четырех 105-мм пушек «K18», восьми 75-мм легких пехотных орудий, 48 противотанковых пушек. Такую организацию имели пять немецких танковых дивизий, с 1-й по 5-ю. Помимо этого, в вермахте были именная танковая дивизия «Кемпф» и 10-я танковая дивизия, имевшая один танковый полк

двухбатальонного состава. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимала 1-я легкая дивизия, состоявшая из трех танковых батальонов. Наконец, последней формой организации танковых войск вермахта были так называемые легкие дивизии, имевшие всего один батальон танков. Соответственно боевая сила их была достаточно скромной – например, в 4-й легкой дивизии было 34 «Pz.I», 23 «Pz.II» и пять командирских танков.

105-мм гаубицы «leFH18» на гужевой тяге на марше.

Действительно новаторским решением, создавшим предпосылки для проведения операций в стилистике блицкрига, стало оснащение танковой дивизии уже на ранних стадиях ее существования сильной артиллерией механической тяги. Буксируемые скоростными тягачами орудия могли двигаться за наступающими танками и по мере надобности разворачиваться и поддерживать танки огнем. Важнейшей задачей артиллерии танковой дивизии являлось подавление противотанковой обороны противника. С закрытых позиций, будучи невидимыми для противотанкистов, гаубицы танковой дивизии вермахта могли обработать наспех (или даже не наспех) занятую оборону противника и обеспечить тем самым успешную танковую атаку. Самое главное – такая атака могла проводиться уже в глубине обороны противника, в процессе столкновения с его резервами, уже после прорыва фронта. Развернув артиллерию, подавив оборону и довершив дело танковым ударом, немецкие механизированные соединения срывали восстановления фронта после прорыва. Все это вместе делало танковую дивизию весьма многочисленной в отношении транспорта всех типов. Так, например, 9-я танковая дивизия (вошедшая в состав 1-й танковой группы) по состоянию на 22 июня 1941 г. насчитывала 1424 мотоцикла, 1015 легковых автомобилей, 2432 грузовых автомобиля и 219 артиллерийских тягачей.

Тягачи как опора блицкрига. Один из ключей к грядущим успехам начал создаваться в Германии еще в веймарский период, причем в отличие от танков совершенно открыто. Когда в 1926 г. инженер Генрих Книпкамп, будущий изобретатель подвески с шахматным расположением катков немецкой техники, пришел в управление вооружений, первым делом он провел закупки немецких, американских и английских тракторов. Его задачей была механизация германской артиллерии. После трех лет испытаний немецких и иностранных тракторов были сформулированы требования к артиллерийскому тягачу. Первой же строчкой шло требование «буксировать груз в 8 тонн по плохой дороге с максимальной скоростью 50 км/ч». Рассматривались колесные, гусеничные и полугусеничные машины. Проведенные в 1932 г. испытания показали превосходство полугусеничной машины, как ее тогда называли «на 3/4 гусеничная». С самого начала 8-тонный тягач нацеливался на использование с перспективной 150-мм гаубицей. Основным его разработчиком стала фирма «Краус-Маффей». Тягач «Краус-Маффей KMZ100» еще в 1933 г. получил все характерные черты немецких скоростных тягачей: резиновые подушки траков для езды по шоссе, шахматную подвеску. Столь рано начатая разработка привела к нужному результату: вермахт получил скоростной тягач. Причем была

разработана целая линейка полугусеничных тягачей разных типов. Это позволило вооружить артиллерийский полк танковой дивизии двадцатью четырьмя 105-мм легкими полевыми гаубицами и двенадцатью 150-мм тяжелыми полевыми гаубицами. Также немцы располагали скоростными тягачами для артиллерии усиления, что позволяло придавать подвижным соединениям орудия 150–210-мм калибра и даже 240-мм орудия особой мощности.

Здесь следует сказать, что противники Германии не уделяли до войны должного внимания артиллерийской и мотопехотной компоненте танковых войск. Англичане строили свои танковые дивизии исходя из теоретического предположения о грядущих массовых боях танков против танков. Артиллерийская компонента при этом носила рудиментарный характер. Английская танковая дивизия объединяла две танковые бригады по три полка каждая (в сумме 330–340 танков, каждый британский танковый полк примерно соответствовал немецкому танковому батальону) и так называемую «группу поддержки» с 25-фунтовыми пушками, противотанковыми пушками и всего двумя батальонами мотопехоты.

Схожая картина наблюдалась в танковых соединениях Франции и СССР. В итоге немцы получили преимущество, в том числе в столкновениях с механизированными соединениями противника. Встретив сопротивление в ходе наступления, немцы «размягчали» оборону артиллерийским ударом, а затем добивали ее ударом танков, с вводом в бой обученных штурмовым действиям пехотинцев. Это давало возможность не терять темп и не давать противнику опомниться.

Механизация артиллерии Красной Армии в отношении скоростных тягачей серьезно отставала от вермахта. По штату артиллерийский полк советской танковой дивизии имел двенадцать 122-мм и двенадцать 152-мм гаубиц – вполне сравнимое с артполком немецкой танковой дивизии количество орудий. Однако полагавшиеся артполкам мехсоединений по штату 122-мм гаубицы «М-30» и 152-мм гаубицы «М-10» должны были буксироваться тракторами «СТЗ-5». Они обеспечивали среднюю скорость движения с прицепом по шоссе 14 км/ч, а по грунтовым дорогам – 10 км/ч¹¹. Имеющаяся на вооружении техника, которая вынужденно пошла на формирование мехкорпусов в 1940–1941 гг. (за отсутствием альтернатив), была создана в 1930-х годах под другие задачи. В закрытой работе «Механическая тяга артиллерии в Великой Отечественной войне» приводились выводы комиссии ГШ КА относительно адекватности задействованных в оснащении подвижных соединениях тягачей их задачам: «тракторы «СТЗ-5», предусмотренные штатами для артиллерийских частей танковых и мотострелковых дивизий, [...] не обеспечивают их как по скорости движения, так и по мощности двигателя»¹². Все это привело к тому, что советские мехкорпуса проигрывали маневренные сражения немецким подвижным соединениям. Вообще полугусеничный тягач как символ блицкрига, пожалуй, уместнее «Pz.I», «Pz.II» или даже «Pz.III».

Зрелость блицкрига. Первые бои показали недостатки организации танковых дивизий, например беспомощность панцерваффе в самостоятельных действиях у Варшавы. По итогам кампании была начата реорганизация немецких танковых войск, продолжавшаяся с октября 1939 г. по май 1940 г. Организация была упорядочена, теперь не осталось никаких легких дивизий, а танковые войска вермахта были представлены десятью танковыми дивизиями. Шесть из них были четырехбатальонного состава (1–5-я и 10-я), три – трехбатальонного (6–8-я), одна – двухбатальонного (9-я). После разгрома Франции последовала новая реорганизация, в результате которой немецкие танковые войска приобрели тот вид, в котором они осуществляли блицкриг против СССР.

¹¹ Механическая тяга артиллерии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957. С.133.

¹² Механическая тяга артиллерии в Великой Отечественной войне. С.34.

Парадокс блицкрига: немецкая гужевая колонна у брошенного или подбитого «Т-34». Лето 1941 г.

Число танковых дивизий вермахта в результате этой, самой важной, реорганизации было удвоено. Удвоение числа дивизий происходило путем дробления существующих дивизий и создания на базе высвобождающихся танковых полков новых дивизий. Теперь во всех танковых дивизиях вермахта был один танковый полк двух- или трехбатальонного состава вместо двух.

150-мм «гаубица sFH18» на буксире у скоростного тягача – один из реальных инструментов блицкрига.

В значительной степени это была замена количества качеством, то есть уменьшение общего числа батальонов в дивизии компенсировалось количественным и качественным наращиванием ударных возможностей танковых рот батальонов перевооружением на «Pz.III» вместо «Pz.II». Фактор латания тришкиного кафтана, разумеется, тоже присутствовал. Оптимальной структурой был бы все же трехбатальонный танковый полк. Так что идеальная танковая

дивизия была в вермахте в июне 1941 г. единственной. Это была 3-я танковая дивизия XXIV моторизованного корпуса 2-й танковой группы Г. Гудериана. Ее танковый полк состоял из трех батальонов и насчитывал 58 танков «Pz.II», 29 танков «Pz.III» с 37-мм пушками, 81 танк «Pz.III» с 50-мм пушками, 32 танка «Pz.IV» и 15 командирских машин. Дивизии, вооруженные танками чехословацкого производства «35 (t)» и «38 (t)», остались трехбатальонными, но это уже была не оптимизация, а компенсация невысоких характеристик техники ее числом.

Немцы пришли к своему «золотому сечению» организации танковых войск – на 2–3 батальона танков было 4 или 5 (если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты, то есть соотношение танков и мотопехоты было 1:2,5, 1:1,7 в пользу пехотинцев. На 150–200 танков танковой дивизии вермахта приходилось 6 тыс. человек мотопехоты. Это позволяло обеспечивать танки необходимой пехотной поддержкой в атаках на укрепления и в закреплении местности. Укреплялось взаимодействие родов войск за счет формирования немцами так называемых «боевых групп», сочетавших танки, мотопехоту, саперов и артиллерию.

Важнейшим шагом на пути к настоящим блицкригам стало формирование крупных механизированных объединений. Моторизованные корпуса объединялись в танковые группы. Первой танковой группой стала ТГр Клейста в мае 1940 г. во Франции. Танковые группы в том виде, в котором существовали к началу войны с СССР, являлись промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входило два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчинять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому скорее отрицательно. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя. Численность танковой группы в июне 1941 г. колебалась от 130 до 180 тыс. человек (2-я ТГр Г. Гудериана насчитывала в первые дни войны 182 тыс. человек). Это была огромная масса людей и техники, способная самостоятельно прорываться в глубину обороны на 100–200 км сразу на нескольких направлениях, захватывать важные пункты, в том числе города, и удерживать их до подхода главных сил полевых армий. Ничего равного танковым группам в первой половине войны ни у СССР, ни у его союзников не было.

Еще одно фото «sFH» на буксире у полугусеничного тягача. Именно эти тяжелые орудия прокладывали путь «Pz.I», «Pz.II» и чешским трофеям вермахта.

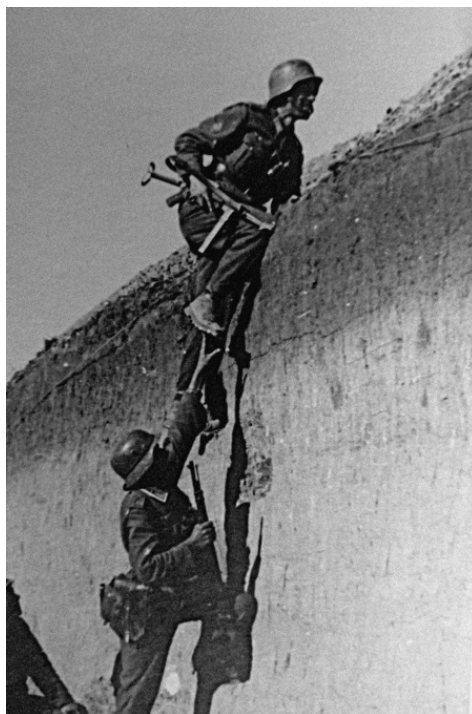
Лекарство от блицкрига. К августу 1941 г. лязгающее слово «блицкриг» означало только смерть и разрушение. Оно устойчиво ассоциировалось с массами танков, появлявшихся словно из-под земли и врывавшихся на улицы городов в глубоком тылу сражающихся войск, с заунывным воем пикирующего бомбардировщика «Ю-87» и юркими мотоциклистами,

несущимися по пыльным дорогам. Европа столкнулась со всеокрушающей военной машиной, которую с 1939 до 1941 г. никому не удавалось остановить. Устояли перед ударами немцев только отделенные от континента «рвом с морской водой» англичане. Неудачи первых недель войны, без сомнения, оказали шокующее впечатление на руководство страны. Всего за три месяца до этого, 5 мая 1941 г., И. В. Сталин с гордостью говорил на выступлении перед выпускниками военных училищ: «Раньше существовало 120 дивизий в Красной Армии. Теперь у нас в составе армии 300 дивизий. Из общего числа дивизий – третья часть механизированные дивизии». К августу от «механизированных дивизий» остались одни лохмотья. Созданная в 30-х годах современная по тем меркам Красная Армия терпела поражение за поражением. Серебристые «летающие крейсера» советской империи, «ДБ-3» бесследно исчезали целыми эскадрильями. А бронированные кулаки вермахта, казалось, неуязвимые, двигались дальше и дальше на восток. Вооруженные опытом Вердена и Марны, немецкие пехотинцы взламывали с трудом подготовленные линии обороны, бетонные коробки ДОТов и минные поля.

Сочетание старого и нового. 150-мм гаубица на буксире у полугусеничного тягача обгоняет гужевую колонну вермахта.

В поисках противоядия Сталин, Жуков, Шапошников обратились к уникальному и прошедшему не замеченным для Европы опыту Гражданской войны 1918–1920 гг. Читатель спросит: «Какое отношение рейды Первой конной и бои бронепоездов имеют к отражению танковых клиньев?» Танки, «штуки» и мотоциклисты были лишь инструментом. Со стратегической точки зрения блицкриг, «молниеносная война», представлял собой поиск решения стратегических задач на уровне стрелочек на карте, планов операций. Не имея возможности вести длительную войну на истощение, немцы постоянно искали возможность быстрого сокрушения противника. В гитлеровской Германии эта идея выкристаллизовалась в концепцию уничтожения армии противника быстрее, чем жертва сможет поставить под ружье всех, кто способен держать в руках оружие. Польша в сентябре 1939 г. перестала существовать, несмотря на то что в ней оставалось еще более миллиона человек призывного возраста. Францией в 1940 г. также не были исчерпаны людские резервы к моменту капитуляции. Обе страны не смогли создать устойчивого фронта из новых дивизий взамен разгромленных у границ. Те люди, которые могли сражаться в составе этих новых дивизий, позднее стали бойцами движения «Сопротивления» и гибли под гусеницами немецких танков в Варшавском восстании.

Немецкие горные егеря карабкаются на советский ДОТ. Штурмовые действия пехоты стали средством преодоления линий долговременных укреплений вермахтом.

По такой же модели предполагалось развитие событий в СССР. Разработчик «Барбароссы» Ф. Паулюс считал, что в Советском Союзе «большие людские резервы из-за недостатка в командных кадрах и материального снабжения не смогут быть полностью использованы». В случае войны, по мнению Верховного командования сухопутных войск, Советский Союз мог в принципе отмобилизовать 11–12 млн. человек, однако нехватка командных кадров и техники не позволит ему сделать это. Реальной считалась мобилизация 6,2 млн. человек. Предполагалось, что СССР выставит 107 дивизий первой волны, 77 второй и 25 третьей, то есть всего 209 дивизий. План «Барбаросса» предполагал разбить эти дивизии каскадом следовавших одна за другой операций на окружение.

Однако опыт Гражданской войны позволил советскому руководству опрокинуть эти расчеты. 1918–1920 гг. мало что дали с тактической точки зрения, но оказались совершенно бесценными с точки зрения стратегии. В условиях хаоса, разрухи и совершенно деградировавшей к моменту безвременной кончины Российской империи транспортной системы в стране работала промышленность и существовала пятимиллионная армия, удерживавшая фронт колоссальной протяженности. В Красную Армию призывали военнообязанных контролируемых большевиками областей, наспех обучали, вооружали и вполне успешно противостояли созданным таким образом соединениями офицерским частям Белой армии. Это дало новый толчок для анализа опыта России и других стран – участниц Первой мировой войны и создания советской военной школой теории «перманентной мобилизации». Согласно этой теории, формирование новых дивизий не заканчивается по завершении развертывания кадровой армии, а является непрерывным процессом. Одни дивизии окружаются, уничтожаются, просто несут потери, а другие тем временем формируются, обучаются и едут на замену первых.

Немецкая 210-мм гаубица «Moerser 18» на марше. Полугусеничные Германии в куда большей степени достойны считаться символом блицкрига, чем «Pz.I» и «Pz.II».

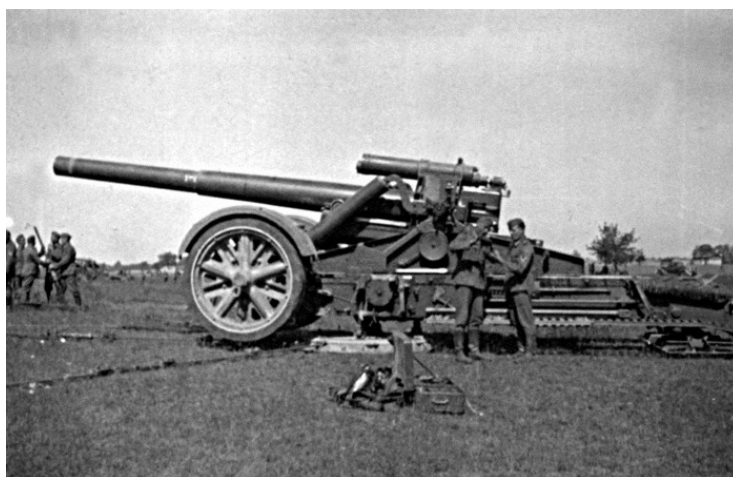
Напрямую в довоенные планы Красной Армии теория «перманентной мобилизации» не закладывалась. Напротив, ее хотели избежать, и в февральском 1941 г. мобилизационном плане вообще не предусматривалось формирования новых соединений после начала боевых действий. Однако после осознания проигрыша Приграничного сражения в СССР вспомнили о стратегии Гражданской и запустили конвейер создания новых дивизий и армий. По приказу Ставки ВГК от 29 июня 1941 г. началось формирование 15 стрелковых дивизий за счет пограничников, по постановлению Государственного комитета обороны от 8 июля 1941 г. – еще 56 стрелковых, 10 кавалерийских и 25 дивизий народного ополчения. Вместо 4887 тыс. человек по мобилизационному плану февраля 1941 г. были призваны военнообязанные 14 возрастов, общая численность которых составила около 10 млн. человек. Тем самым уже в первые пять недель войны были перекрыты те расчеты, на которых разработчики «Барбароссы» базировали прогнозы о сроках и возможностях проведения скоротечной кампании против СССР. Расчеты, которые не предусматривали формирования второлинейных дивизий в вермахте.

Конечно, свежееиспеченные соединения РККА были далеки от идеала. Им не хватало артиллерии, пулеметов, средств связи. Командиры не успевали узнать своих подчиненных, часть из которых до этого вообще не служила в армии. Командующий Юго-Западным направлением С. М. Буденный в разговоре с начальником Генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошниковым сказал: «Опыт с новой 223 сд показал, что новые формирования, не будучи достаточно сколоченными, не выдерживают первых ударов противника и разбегаются». Справедливости ради нужно сказать, что «разбегались» было скорее исключением, чем правилом, хотя боеспособность птенцов «перманентной мобилизации» оставляла желать лучшего. Но возможности выбирать в тех условиях не было. Или биться в составе организованной вооруженной силы, связанной единым планом и худо-бедно снабжающейся с заводов оружием и транспортом, или через несколько месяцев противостоять вооруженным пулеметами и минометами карателям с охотничьими ружьями в руках.

Для немцев эта стратегия советского руководства оказалась неприятным сюрпризом. Лучше всего ситуацию обрисовал начальник немецкого Генерального штаба Франц Гальдер: «Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь

мы насчитываем уже 360 дивизий. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину». Термин «насчитываем» здесь следует понимать как число известных немцам дивизий, больше половины из которых к тому времени могли уже представлять собой бледные тени или вовсе исчезнуть в пламени войны.

Для достижения успеха вермахту нужно было перемалывать советские дивизии быстрее, чем их формируют и восстанавливают. Эта задача усложнялась тем фактом, что сами немцы не предусматривали создания новых соединений в ходе кампании. Им предстояло снова и снова бросать в бой одни и те же дивизии, для которых очередные «котлы» оборачивались потерями, уменьшавшими их боевую силу. Задачей советской стороны было избегать крупных катастроф и постепенно накапливать резервы для перехвата стратегической инициативы. В немецкой стратегии было нащупано слабое звено, невнимание к второлинейным соединениям, формируемым уже после начала конфликта. Лекарство от блицкрига было найдено, но оставалось еще дождаться, когда оно подействует.

210-мм гаубица «Moerser 18» на позиции в готовности открыть огонь. Поддержка ударов танков артиллерией, вплоть до самой тяжелой, позволяла дойти до подступов к Ленинграду и Москве даже на тонкобронных «Pz.I», «Pz.II» и Pz.35 (t).

Подействовало оно только поздней осенью 1941 г. До 31 декабря был сформирован или переформирован 821 эквивалент дивизий (483 стрелковые дивизии, 73 танковые, 31 моторизованная, 101 кавалерийская и 266 танковых, стрелковых и лыжных бригад). Был организован непрерывный конвейер восстановления существующих и формирования новых соединений. Противопоставить стратегии «перманентной мобилизации» немцы ничего не смогли. Весь путь от границы до Ростова они проделали в практически неизменном составе соединений, которые в непрерывных боях теряли людей, технику, элементарно уставали. Не будем забывать, что пехотные дивизии проделали весь путь от берегов Буга и Прута до Харькова и Мариуполя пешком. Ожидать от них такого же упорства в обороне и наступлении, как в июне 1941 г., было невозможно. К этому добавилось воронкообразное расширение фронта от границы до меридиана Москвы и Ростова. Сложилось своего рода шаткое равновесие между боевыми возможностями «перманентно мобилизованных» соединений Красной Армии и растянутостью фронта, потерями, усталостью немецких войск. Результат был вполне предсказуемым: когда поступление свежих соединений превысило темпы их перемалывания немцами, Красная Армия в очередной раз попыталась перехватить инициативу и немецкий фронт посыпался, дивизии вер-

махта сначала под Ростовом и Тихвином, а потом по всему фронту побежали на запад, бросая оставшуюся без горючего технику.

На фронт! «Лекарством против блицкрига» стало формирование в СССР новых дивизий и армий, их вооружение и оснащение.

Союзники и «меч-кладенец». Битва за Москву остановила «Барбароссу», но еще не поставила крест на блицкриге как таковом. Ремейки «блицкрига» состоялись летом 1942 г. в южном секторе советско-германского фронта и в Африке. Красная Армия и союзники вновь отступали под натиском немецких танковых дивизий. Однако превосходство немецкой военной машины сохранялось ровно до того момента, когда союзники также обзавелись «мечом-кладенцом» в виде сбалансированных механизированных соединений. Красная Армия весной 1942 г. приступила к формированию танковых корпусов. Осенью 1942 г. к ним прибавились механизированные корпуса. В сравнении с танковым корпусом удельный вес мотострелков в механизированном корпусе существенно вырос, что увеличивало как его ударные возможности, так и способность к удержанию местности. Если танковая бригада насчитывала по штату 1107 человек, то механизированная бригада – 3707 человек. В танковых бригадах под Сталинградом насчитывалось по факту примерно 70–80 грузовиков, а в механизированных бригадах – 250–350 грузовиков. Танковые и механизированные мехкорпуса позволили Красной Армии провести свой блицкриг – операцию «Уран» под Сталинградом. Она стала первой из череды маневренных операций, проводившихся силами танковых, механизированных корпусов и танковых армий. Последние были организационным эквивалентом германских моторизованных корпусов.

К осени 1942 г. также были усовершенствованы механизированные соединения армий союзников. Английская танковая дивизия была значительно усилена мотопехотой с одновременным уменьшением числа танков, в ней осталась одна танковая бригада. Теперь на три расчетных танковых батальона в английской танковой дивизии приходилось четыре батальона мотопехоты. Американцы также последовали тенденции усиления мотопехотного звена танковых дивизий. Американская танковая дивизия второй половины войны состояла из разведывательного отряда, трех танковых, трех мотопехотных батальонов и трех дивизионов артиллерии. Причем американцы шагнули дальше, артиллерия таких дивизий была полностью самоходной (САУ М7 «Прист»), а вся мотопехота передвигалась на БТР. Мотопехотная рота американской дивизии численностью 251 человек оснащалась 20 БТР, что позволяло ей преодолевать

участки заградительного огня артиллерии противника. В немецких дивизиях БТР оснащался в лучшем случае один батальон из четырех.

Появление в стане антигитлеровской коалиции сбалансированных танковых соединений лишило вермахт преимущества, позволявшего окружать и громить крупные силы противников. Удары в глубину парировались контрударами танковых соединений. Также все чаще союзники стали сами наносить удары в глубину, охватывая и обходя немецкие полевые армии.

* * *

Теория блицкрига, разработанная немецкими военными теоретиками в межвоенный период, предусматривала достижение целей войны за счет разгрома армии противника до того, как противник сможет ее восстановить мобилизацией и формированием новых соединений. Достигался этот эффект комплексом мероприятий как на политическом, так и на военном поприще. Германия старалась упредить противника в мобилизации и развертывании, а также максимально быстро уничтожить армии противника глубокими прорывами своих «мечей-кладенцов» – моторизованных корпусов. Однако, несмотря на целый ряд очевидно прогрессивных шагов, немецкое командование недооценило возможности крупной страны по мобилизации новых соединений и не приняло симметричных шагов в отношении вермахта. Это привело к тому, что темпы формирования новых дивизий и бригад РККА летом и осенью 1941 г. в конце концов превысили темпы уничтожения этих соединений в «котлах», оборонительных и наступательных боях. Это перевело конфликт из фазы блицкрига в фазу затяжной войны на истощение.

Вскоре союзники обзавелись собственными механизированными соединениями и вернули блицкриг вспять. Масса передвигавшейся пешком и на лошадях немецкой пехоты все чаще оказывалась под угрозой окружения и уничтожения. Немецкие же танковые и моторизованные дивизии превратились в «пожарные команды», сдерживающие обвал и распад фронта.

Глава 2

«Толстовцы» и «миллионеры»

Финская война – это одно из тех событий, которые порождают прямо противоположные мнения о себе в рядах историков и публицистов. Это своего рода «линия фронта» между людьми с разными политическими взглядами. Позицию одного лагеря вполне прозрачно отражает, например, А. И. Солженицын: «И потом все видели эту бездарную, позорную финскую кампанию, когда наша огромная страна тыкалась, тыкалась около этой самой «линии Маннергейма». Всем показали, что мы воевать... и противники наши видели, что мы воевать не готовы». [11] Другая сторона опирается на высказывания, подобные: «Ни одна армия мира не прорывала еще такой, взятой в бетон и сталь, оснащенной по последнему слову военной техники линии обороны» [12– С.137]. То есть, с одной стороны, огромная армия, остановленная маленькой Финляндией, с другой – беспрецедентное в мировой истории сокрушение сильных укреплений в жестокую стужу. Обе стороны снимали фильмы, писали книги. В одних с каким-то мазохистским упоением показывали засыпанные снегом танки БТ с распахнутыми люками и замерзшие трупы красноармейцев, в других с удивлением читаем рассказы про многоэтажные ДОТы с центральным отоплением и мощными орудиями.

Зима-холода. Одним из главных аргументов о сложности и специфичности условий Зимней войны являются жуткие, нетипичные холода. Однако в декабре 1939 г., когда, собственно, и проводился первый, неудачный штурм «линии Маннергейма» Красной Армией, мороза минус сорок градусов по Цельсию просто не было. Это чистой воды миф. Причем узнать о реальных погодных условиях начального периода советско-финской войны не составляет труда. В описании боев на Карельском перешейке писателя Владимира Ставского у бойцов 252-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии под ногами «хлюпал тающий снег» [13– С. 49, 52]. Хлюпанье снега в 40-градусный мороз представить себе сложно. Корабли Балтийского флота вплоть до конца декабря поддерживали сухопутные войска, нередко подходя к самому берегу, то есть Финский залив еще не успел замерзнуть. Незамерзшая река Тайпаллен-Йоки на правом фланге советского наступления вынуждала советские дивизии переправляться с помощью понтонов и резиновых лодок. Лучшее про погодные условия в декабре 1939 г. на Карельском перешейке написал Маннергейм: «Однако у противника было техническое преимущество, предоставленное ему погодой. Земля замерзла, а снегу почти не было. Озера и реки замерзли, и вскоре лед стал выдерживать любую технику. В особенности Карельский перешеек превратился для больших масс войск и механизированных частей в пригодную местность. Дороги окрепли, легко было прокладывать и новые. [...] Единственным преимуществом, которое время года подарило обороняющимся войскам, было то, что краткость зимнего дня ограничивала деятельность авиации противника» [14– С.268]. Рассуждения об ужасающих морозах как причине провала первой попытки разгромить финнов оказываются ничем не обоснованными. Сегодня есть достаточно подробные и развернутые данные по погодным условиям, в которых воевала Красная Армия в Финляндии. Финский генерал-лейтенант Х. Энквист, командующий II армейским корпусом, вел дневник, в котором аккуратно записывал дневную температуру каждый день с первого до последнего дня войны. 30 ноября было плюс 3. До 20 декабря 1939 г. на Карельском перешейке температура колебалась от +2 до –7. Далее до Нового года температура не опускалась ниже –23. Морозы до –40 начались во второй половине января, когда на фронте было затишье. Причем мешали эти морозы не только наступающим, но и обороняющимся. Маннергейм пишет: «Вскоре начались исключительно жестокие морозы, поставив как нападающую, так и обороняющуюся стороны перед самыми тяжелыми испытаниями» [14– С.270].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.